

3846к

И САЛОВЪ.

№3846.к

Два Фреста.

Пьеса въ 2-хъ актахъ.

== ДЛЯ РАБОЧАГО ТЕАТРА. ==

ИЗДАНИЕ

Иваново-Вознесенскаго Союза „Соціалистической Молодежи“

1918 г.

1110

И. САЛОВЪ.

№ 3846. К

Два Ареста.

Пьеса въ 2-хъ актахъ.

== ДЛЯ РАБОЧАГО ТЕАТРА. ==

Л/2010

ИЗДАНИЕ

Иваново-Вознесенскаго „Союза Соціалистической Молодежи“
1918 г.

1941

W. CAMORÉ

DEPT. OF THE INTERIOR

113010

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Коля Петровъ, студентъ-путеецъ.

Сережа Орловъ, студентъ-технологъ.

Вася Струнниковъ, студентъ-политехникъ.

Нина Граціанова, курсистка.

Тов. Гавриловъ, слесарь Путиловскаго завода.

Помощникъ полицейскаго пристава.

Полицейскій надзиратель.

Два сыщика.

Городовой.

2-е понятыхъ (дворники).

Миша Рябининъ, рабочій, красногвардеецъ, другъ дѣтства Васи Струнникова.

Начальникъ полусотни красной гвардіи.

2 красногвардейца.

Павелъ Васильевичъ Серебряковъ, учитель гимназіи, пріятель Васи Струнникова.

Катя, сестра Васи Струнникова, фабричная работница.

Анна Петровна, его мать, старушка.

Между первымъ и вторымъ дѣйствіемъ проходитъ 7 лѣтъ.

А К Т Ъ I.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ.

Небольшая комната съ двумя окнами на правой сторонѣ. Около задней стѣны и налѣво стоитъ по кровати. Два стола, шкафъ, этажерка съ книгами, нѣсколько стульевъ. На столахъ по лампѣ съ зелеными колпаками. Надъ одной кроватью виситъ портретъ Н. К. Михайловскаго и нѣсколько открытокъ, надъ другой—К. Маркса, цвѣтная діаграмма и тоже нѣсколько открытокъ. Вечеръ.—За столомъ возлѣ окна сидитъ и пьетъ чай Гавриловъ Вася Струниковъ лежитъ на кровати съ газетой.

Гавриловъ.—Все еще бастуете?

Вася.—Бастуемъ.

Гавриловъ.—По моему все это зря... мыльные пузыри. Ежели рабочій классъ молчитъ, не поддерживаетъ васъ, —значить, дѣла плохи.

Вася.—Ничего не зря. Вся петербургская полиція поставлена на ноги! Въ Государственной Думѣ предполагается запросъ. Изъ военно-медицинской академіи всѣхъ собираются уволить, читаль, навѣрно. Если бы вы не дремали, могло бы получиться что-нибудь посерьезнѣе.

Гавриловъ.—У стараго Лесснера сегодня забастовали, не знаю только, на какой почвѣ.

(помолчавъ) У тебя, Вася, десятки нѣтъ?

Вася.—Нѣтъ, а что?

Гавриловъ.—Да хотѣлъ шапку купить, а то въ шляпѣ пробираетъ. Ты изъ дома сколько получаешь?

Вася.—Ничего.

Гавриловъ.—Ну? На что же ты живешь?

Вася.—Лѣтомъ немного зарабатываю, теперь тоже; только урочишки паршивые: два по десять.

Гавриловъ.—Значить, только на двадцать и живешь?

Вася.—Да.

Гавриловъ.—Плохо, братъ. (помолчавъ) Отецъ у тебя чѣмъ занимается?

Вася.—Онъ умеръ.

Гавриловъ.—Одинокій, это хорошо. Чувствуешь себя свободнѣе.

Вася.—Я не одинокій. У меня мать шестидесяти лѣтъ и сестра. Она работаетъ на фабрикѣ.

Гавриловъ.—Такъ. Пролетарій, значить, настоящій. (Стучать въ дверь). Отвори, кто-то стучить.

Вася.—(Поднимаясь съ кровати и оправляя рубашку). Можно. (Входитъ Нина Граціанова).

Нина.—Здравствуйте.

Вася.—Здравствуйте. Я думалъ, вы раньше придете. Это товарищъ Гавриловъ, эсъ-декъ.

Гавриловъ.—(Поздоровавшись и садясь снова къ самовару). Что же это ты такъ, сразу...

Вася.—Ничего, народъ все свой.

Нина.—Какъ у васъ холодно. Я вамъ принесла Шелли (кладетъ книжку на верхъ этажерки).

Вася.—Спасибо. Хотите чаю?

Нина.—Не хочу, я пила у Вѣры (садится къ столу).

Вася.—Она еще все не уѣхала?

Нина.—Нѣтъ. Если бы вы знали, какъ она васъ ругала!

Вася.—За что?

Нина.—У нея въ квартирѣ получилась химическая обструкція.

Вася.—Неужели? Разбила флаконъ, да?

Нина.—Нѣтъ. Хозяйкинъ сынишка нашелъ его какимъ-то образомъ въ шкафѣ и случайно развязалъ, потомъ должно быть съ испуга бросилъ. Моментально газы пошли по всей квартирѣ. У всѣхъ были слезы и головокруженіе, а мальчишку хотѣли въ больницу нести. Вѣра его уже сама отхаживала. Потомъ всѣ комнаты провѣтривали и цѣлый день топили.

Вася.—Вѣра испугалась?

Нина.—Нѣтъ, ничего. Только ее теперь хозяйка съ квартиры выселить хочетъ.

Гавриловъ.—(Вставая). Ну, мнѣ пора уже къ домамъ.

Нина.—Чего вы торопитесь, словно испугались, сидите.

Вася.—Подожди, Никонъчъ, еще девяти нѣтъ.

Гавриловъ.—Нѣтъ пора. На трамвай сразу не попадешь (прощаясь) заходи когда.

Вася.—Ладно. Только ужъ больно къ тебѣ далеко. (Гавриловъ уходитъ).

Нина.—Это кто?

Вася.—Одинъ знакомый, слесарь съ Путиловскаго завода. Дѣльный парень.

Нина.—Смотрите, влопаетесь вы съ нимъ.

Вася.—Нѣтъ, мы осторожны. Листовки наши готовы?

Нина.—Да. Только, знаете, по моему, за вами и Владимиромъ Ивановичемъ слѣдятъ. Вчера иду я изъ столовой, смотрю, какой-то типъ въ котелкѣ прохаживается около вашего дома. Сегодня утромъ тоже. Я еще все хотѣла раньше зайти, да некогда было.

Вася.—Пущай, у меня ничего нѣтъ, у Владимира Ивановича тоже.

Нина.—А гдѣ же тѣ листовки, которыя универсанты из-готовили?

Вася.—Онѣ вотъ (подходить и указываетъ на собранный верхъ оконной шторы). Штору мы такъ и не опускаемъ.

Нина.—Остроумно. А все-таки лучше, если бы вы куда-нибудь ихъ отправили, или ужъ пускали бы въ дѣло. Кажется мнѣ, что это вчера и сегодня шпикъ былъ (помолчавъ) Владимиръ Ивановичъ скоро придетъ?

Вася.—Едва ли. Сегодня засѣданіе коалиціоннаго комитета.

Нина.—А вы почему не ушли?

Вася.—Да вотъ Гавриловъ обѣщаль сегодня зайти, потомъ земляки будутъ.

Нина.—Кто, студенты? (переходить отъ стола и садится на кровать).

Вася.—Да. Одинъ путеецъ, другой технологъ.

Нина.—Интересные?

Вася.—Вотъ посидите, увидите (подходить сзади къ Нинѣ и трогаетъ ея волосы. Та не замѣчаетъ. Вася беретъ прядь на ея вискѣ и закидываетъ ее на голову).

Нина.—(Замѣтивъ). Это что? (оглядывается, улыбаясь). О, Вася, какъ это къ вамъ не идетъ.

Вася.—(Смущенно). Я ничего... такъ только.. (беретъ съ этажерки книгу Шелли и вертитъ ее въ рукахъ).

Нина.—Вотъ именно, такъ только. Вы Вася, человекъ серьезный, эсъ-эръ, будущій вождь рабочаго класса, книжникъ и философъ. Шелли вы напрасно взяли: все равно не прочтете. Вообще поэзія, музыка, женщины и любовь не по вашей части, потому, что у васъ все сердце книги съѣли.

Вася.—Нѣтъ, музыку я очень люблю и женщинъ тоже. Даже сейчасъ.

Нина.—(Смѣясь). Вотъ это новость! Милый Вася, ей Богу же это къ вамъ не идетъ.

Вася.—(Нервно морщась идетъ по комнатѣ). Ну пусть, не идетъ. Пусть., а все-таки я ее люблю.

Нина.—Вотъ какъ? А кто „она“, если не секретъ? Вѣдь мы съ вами, Вася почти друзья. Мнѣ сказать можно. Хорошенькая?

Вася.—Да.

Нина.—По моему, для такого серьезнаго мужчины, какъ вы, это не существенно.

Вася.—Я вовсе ужъ не такой серьезный, какъ вамъ кажется.

Нина.—Разсказывайте! Сидите вы все дома, куда васъ не вытащишь. Теперъ вотъ въ политику ударились, меня даже вплели. Идемте во вторникъ въ Маріинку, я вамъ билетъ достану, всего три рубля. Вы бывали въ Маріинскомъ?

Вася.—Нѣтъ.

Нина.—Вотъ видите, и въ театръ вы не ходите.

Вася.—Въ народномъ домѣ изрѣдка бываю.

Нина.—Не буду вамъ мѣшать, читайте (встаетъ и оправляетъ волосы).

Вася.—Да я и не думаю читать. Посидите, у меня такъ рѣдко кто бываетъ и какъ-то странно... скоро уходятъ, словно я чумной какой.

Нина.—Нѣтъ, Вася, вы очень милый. Когда я кончу курсы, я васъ поцѣлую, если, конечно, позволить „она“.

Вася.—О, это долго. Посидѣли бы право..

Нина.—Некогда. Думаю еще заѣхать въ одно мѣсто.

Вася.—Я васъ провожу.

Нина.—Не надо, оставайтесь дома. Къ вамъ вѣдь еще хотѣли придти земляки. (Уходятъ въ переднюю. Минуту спустя въ комнату шумно входятъ Коля Петровъ и Сережа Орловъ, за ними Вася).

Коля.—(Скидая пальто и бросая его на кровать). Тэкъ-съ, Васенька, мы думали онъ схимникомъ проживаетъ на Выборгской (подходить къ самовару и дотрагивается). Ага, еще горячій. Вотъ ты бы и попросилъ остаться на чай свою фею. Не разглядѣлъ хорошенько, какъ будто мордашка доброкачественная Серега, ты не замѣтилъ?

(Вася подходитъ къ столу и наливаетъ чай).

Сережа.—Весьма. Никакъ не меньше четырехъ съ минутомъ, а то и съ плюсомъ. Вася,—онъ тихій художникъ, онъ, братъ, долго выбираетъ, не намъ чета. Мы, какъ ястреба, сдѣлаемъ кругъ, другой и цопъ. Вася, а у тебя сожитель гдѣ?

Вася.—Ушелъ куда-то. Коля, садись. Вотъ сыръ. Я сейчасъ подогрѣю.

Сережа.—Не надо, мы вѣдь, собственно, пили,

Коля.—(Разсматривая открытки надъ кроватью Васиного сожителя) Марксы-Энгельсы... Большевики—меньшевики... ничего я въ этомъ не понимаю... А это что? (разсматривая діаграмму) пиво, водка, виноградная вина. Ого, должно быть, твой сожитель здорово пьетъ; даже вычертилъ, сколько онъ всякаго зелья употребляетъ. (Читая дальше) смертность, преступность, самоубійства. Охота вамъ такой ерундой заниматься.

Сережа.—Вася, ей Богу, ты напрасно не удержалъ свою гостью. Она кто?

Вася.—Курсистка съ Безстужевскихъ.

Сережа.—Какъ ее зовутъ?

Вася.—Нина Граціановна.

Коля.—Чертъ возьми, красиво (повторяетъ протяжно) Нина Граціановна. Прелесть.. (вынимаетъ блокъ-нотъ и карандашъ), а гдѣ она живетъ?

Вася.—Вотъ чудакъ, а тебѣ что?

Коля.—(Настойчиво) адресъ?

Вася.—Можно на Безстужевскіе курсы.

Сережа.—Онъ боится, что отобьешь. Вася, можетъ у тебя ея карточка есть?

Вася.—Да нѣтъ же, что вы въ самомъ дѣлѣ привязались.

Коля.—Врешь, по глазамъ вижу, что врешь.

Сереза.—Не хорошо, Вася, скрытничать. Я про тебя знаешь еще какую исторію слышалъ? Бѣлая роза и прекрасная незнакомка въ бѣломъ... догадываешься?

Коля.—Это что? я не слыхалъ.

Сереза.—Понимаешь, на какомъ-то балу Вася врѣзался въ красавицу. Какъ познакомиться? Купилъ бѣлую розу и послалъ ее со знакомымъ студентомъ передать ей. Красавица, конечно, была удивлена и заинтригована, распросила у Васиного знакомаго, какъ и что. Вася тутъ, какъ тутъ. Познакомились. Она—аристократка, Вася—пролетарій.

Коля.—Правда, Вася?

Вася.—Ерунда.

Сереза.—Разсказывай! Такъ вотъ, Вася было къ ней въ палатку. А у нея папаша вращается гдѣ-то въ сферахъ, не то графъ, не то князь. Что у Васи была тамъ за исторія неизвѣстно, только черезъ недѣлю Васю швейцаръ спускалъ съ лѣстницы.

Вася.—Откуда ты все это взялъ?

Сереза.—Княжескій швейцаръ разсказывалъ, мы съ нимъ въ пивной познакомились.

Вася.—Удивительно ты всегда ловко врешь.

Сереза.—Далеко не всегда. У тебя готовальни нѣтъ?

Вася.—Въ институтѣ.

Сереза.—А у твоего сожителя?

Вася.—Онъ универсантъ.

Коля.—Не люблю универсантовъ. Крикуны, дохлятина, интеллигенты... бить ихъ надо

Вася.—(Серезѣ) А гдѣ же твоя готовальня?

Сереза.—Укралъ. Завелись теперь у насъ въ институтѣ академисты, воры и всякая нечисть, прямо бѣда. Оставилъ въ чертежномъ столѣ, забылъ запереть и готово.

Вася.—Купи новую.

Сереза.—Денегъ нѣтъ. Я и безъ того около сотни долженъ. написалъ про готовальню отцу. Такъ, молъ, и такъ, несчастье случилось. И письмо водицей покропилъ, дескать, плакалъ, Безъ этого отъ него не скоро получишь.

(Безъ предупрежденія отворяется дверь. Входитъ помощникъ пристава, полицейскій надзиратель, городской, два сыщика и два понятыхъ. Студенты испуганно вскакиваютъ съ мѣстъ).

Сереза.—Вотъ такъ фунтъ!

Помощникъ пристава.—Вотъ здѣсь еще трое. Не безпокойтесь, господа. Кто изъ васъ господинъ Струнниковъ?

Вася.—Я.

Помощникъ пристава.—Позвольте у васъ произвести обыскъ, (подаетъ ордеръ. Вася беретъ его и смотритъ).

Вася.—Лепковскаго нѣтъ дома. Въ его отсутствіе развѣ можно?

Помощникъ пристава.—Онъ уже арестованъ. (Къ Серержъ и Колъ) Садитесь, господа. Начнемъ. (Понятые остаются у двери.—Полицейскій надзиратель и городской, отворяютъ не запертые дверцы шкафа и вынимаютъ оттуда студенческую тужурку, брюки, небольшую корзиночку, въ которой одинъ изъ сыщиковъ и городской начинаютъ рыться. Потомъ надзиратель подходитъ къ кровати и вынимаетъ изъ подъ нея большую корзину. 2-й сыщикъ вынимаетъ корзину изъ-подъ другой кровати. Роятся въ постеляхъ).

Полицейскій надзиратель.—Господинъ Струнниковъ, пожалуйста, ключъ отъ карзины.

Вася.—Это не моя. Ключъ у Лепковскаго. Моя не заперта. (Надзиратель и городской садятся рядомъ и начинаютъ копаться около корзины. Вася подходитъ то къ одной корзинѣ, то къ другой).

Надзиратель.—(дворнику). Поди-ка принеси ножъ или долото или что нибудь подходящее.

1-й сыщикъ.—Вотъ отмычка.

Надзиратель.—Мала. Тутъ надобно вырѣзать (Дворникъ уходитъ).

Помощникъ пристава.—(Серержъ и Колъ). Ваши фамиліи, господа?

Серержа.—Сергѣй Николаевичъ Орловъ, студентъ—технологъ.

Помощникъ пристава.—Что технологъ, —вижу. Какого курса?

Серержа.—Третьяго.

Помощникъ пристава.—Съ какою цѣлью сюда пришли?

Серержа.—Въ гости. Мы земляки Струнникова.

Помощникъ пристава.—(Колъ) Ваше имя?

Коля.—Николай Яковлевичъ Петровъ, 2-го курса. Пришелъ тоже въ гости.

Помощникъ пристава.—Сегодня на Екатерининскомъ каналѣ собралось тридцать человекъ студентовъ разныхъ учебныхъ заведеній и тоже должно быть въ гости.

Серержа.—Что же, бываетъ.

Помощникъ пристава.—Что и у дѣвушки мужъ умираетъ. Эхъ вы, молодые люди.

1-й сыщикъ.—(подходя къ помощн. пристава и показывая нѣсколько газетъ) „Правда“ и „Бодрая мысль“,—прикажете положить?

Помощникъ пристава.—Не нужно, запомните на всякій случай (Васъ) Закурить можно?

Вася.—Пожалуйста.

(Помощникъ пристава.—Вынимаетъ портсигаръ и протягиваетъ сидящему противъ него Серержъ).

Серержа.—Благодарю васъ, у меня свои есть (вынимаетъ и тоже закуриваетъ).

Помощникъ пристава.— Не желаете полицейскихъ папирсъ курить.

Сережа.—Нѣтъ, почему же.

Помощникъ пристава.—Я вѣдь тоже когда-то студентомъ былъ (начинаетъ просматривать книги на сосѣдней этажеркѣ).

Сережа.—Развѣ? Почему же вы избрали такую профессію?

Помощникъ пристава.—Я учился на юридическомъ. Не кончилъ, пришлось бросить. Долго не могъ себѣ должности найти. Выпадали, впрочемъ мѣста рублей на 50, а тутъ предложили сразу 150, жена, ребенокъ: на 50 руб. не проживешь. Вотъ и поступилъ.

Сережа.—А мѣнять должность не пытались?

Помощникъ пристава.—Нѣтъ. Вѣдь, въ современномъ обществѣ всѣ мы дѣлаемъ не то, что хотимъ, и съ нами поступаютъ не такъ, какъ мы желаемъ. Правда?

(Студенты молчатъ).

Сережа.—А скажите, зачѣмъ вотъ этотъ обыскъ? Здѣсь, живетъ публика, кажется, благонадежная.

Помощникъ пристава.—Точно не знаю, это охранные работаетъ. Вѣроятно, за забастовку. Теперь каждый день аресты. Напрасно вы, господа, бастуете. Другихъ только безпокоите.

Коля.—По моему, тоже. А главное, безрезультатно. Все равно, что горохъ о стѣну.

(Возвращается дворникъ и приноситъ долото и молотокъ).

Дворникъ.—(Передавая ихъ полиц. надзирателю) Насилу нашель.

Надзиратель.—(Городовому) Посмотри на шкафъ, нѣтъ ли чего. (Городовой беретъ стулъ и смотритъ).

Помощникъ пристава.—(Прохаживаясь по пустому мѣсту комнаты и оглядывая стѣны съ открытками). Публика здѣсь, однако, не совсѣмъ благонадежная. Васъ я не знаю, а вотъ про господина Струнникова и Лепковскаго можно опредѣленно сказать, хотя я раньше ничего о нихъ не слыхалъ. Только это у нихъ, вѣроятно, простое увлеченіе, потому что все ужъ очень наивно.

Вася.—Что наивно?

Помощникъ пристава.—Это ваша кровать?

Вася.—Да.

Помощникъ пристава.—Вотъ видите: надъ ней виситъ портретъ Михайловскаго, а среди книгъ „Этюды“ Виктора Чернова. У вашего сожителя портретъ Маркса и нѣсколько книжекъ о марксизмѣ. Значитъ, вы социалистъ-революціонеръ, а Лепковскій социаль-демократъ.

Вася.—Ну, этого совсѣмъ не достаточно.

Помощникъ пристава.—Для привлеченія по 102 статьѣ, конечно. А вотъ въ провинціи за газету „Правда“ и „Бодрая мысль“ уже арестуютъ и тянутъ за принадлежность къ партіи.

1-й сыщикъ.—(Подходя къ пом. пристава), Тутъ много частной переписки, вы будете сейчасъ просматривать?

Помощникъ пристава.—Нѣтъ, берите все. Сургучъ и печать у васъ?

Сыщикъ.—У меня (Уходитъ къ корзинкѣ и, положивъ на нее бумаги вмѣстѣ съ надзирателемъ перевязываютъ и запечатываютъ пакетъ).

Помощ. пристава.—(2-му сыщику) Въ томъ столѣ смотрѣли?
2-й сыщикъ.—Ничего нѣтъ.

(Помощникъ пристава открываетъ ящикъ стола, у котораго онъ сидитъ и вынимаетъ нѣсколько бумагъ, просматриваетъ ихъ и кладетъ въ сторону. Затѣмъ начинаетъ писать протоколъ).

Вася.—(Подходя къ приставу) Я бы васъ попросилъ не брать мою пореписку, если можно.

Помощникъ пристава.—Почему? Если тамъ нѣтъ ничего передосудительнаго, вамъ ее возвратятъ.

Вася.—Все-таки. Неприятно; будутъ копаться чужіе люди.

Сереза.—Ничего, Вася, если ты безпокоишься насчетъ сердечныхъ дѣлъ, то это поучительно: впредь не будешь писать пространныхъ изліяній дѣвицамъ, а ихъ письма будешь бросать, какъ полагается. Женщины, братъ, любятъ быстроту дѣйствій и лаконическій языкъ, языкъ побѣдителей.

Вася.—Не храбрись, Сергѣй.

Городовой.—(показывая пристава найденную въ корзинѣ книжку) Ваше высокородіе, это надо или нѣтъ? Насчетъ социализмы.

Помощникъ пристава.—Покажи. Нѣтъ, не надо. (Кладетъ книгу на этажерку).

Коля.—(Беретъ ее и просматриваетъ). Почему вы ее не берете?

Помощникъ пристава.—Это Зомбарта. Хорошая книга.

Коля.—Легальная?

Помощникъ пристава.—Навѣрно, вы не хуже моего знаете. Ну, господа, распишитесь.

(Студенты по очереди расписываются въ протоколъ) Кто изъ васъ старшій дворникъ?

Дворникъ.—Я,

Помощникъ пристава.—Распишись. Тамъ уже все готово?

Надзиратель.—Все.

Помощникъ пристава.—Одѣвайтесь, господа.

Коля.—Зачѣмъ?

Помощникъ пристава.—Придется васъ временно задержать и обыскать.

Коля.—Пожалуйста.

Помощникъ пристава.—Не здѣсь. Мы изъ своего участка позвонимъ въ ваши и когда тамъ произведутъ у васъ обыски на квартирахъ, мы васъ выпустимъ, если конечно у васъ ничего не найдутъ и если не послѣдуетъ особыхъ распоряженій.

Сереза.—Чортъ знаетъ, что такое! Мы-то тутъ при чемъ.

Помощникъ пристава.—Таково общее правило.

Вася.—А въ ордерѣ не сказано—арестовать.

Помощникъ пристава.—Все равно: по выясненіи обстоятельствъ, тѣмъ болѣе, что на Екатерининскомъ каналѣ пред-

ставителя отъ института путей сообщенія не оказалось, а здѣсь онъ имѣется. Такъ, пожалуйста, господа.

(Всѣ встаютъ. Студенты одѣваются).

Сережа.—Очень глупая исторія Безъ нашего вѣдома будутъ рыться въ квартирѣ; а можетъ быть, у меня тамъ денегъ тысяча рублей или брилліанты.

Помощникъ пристава.—Позвольте не повѣрить.

Сережа.—Ну, мало ли что другое.

Коля.—Вотъ такъ попали въ гости!..

Вася.—Ничего, Коля.

Сережа.—Чертъ знаетъ.... А куда вы насъ помѣстите?

Помощникъ пристава.—Въ участокъ, конечно.

Коля.—А клопы у васъ тамъ есть?

Надзиратель.—Чего другого, а этаго добра сколько угодно. (Всѣ уходятъ).

З А Н А В Ъ С Ъ .

А К Т Ъ II.

Дѣйствіе происходитъ въ провинціальномъ фабричномъ центрѣ.

Небольшая грязноватая комната съ однимъ окномъ. Полупроетарская обстановка. Столъ, заваленный книгами съ маленькой лампой. Двѣ большія кучи книгъ лежатъ прямо на полу. По стульямъ разбросаны газеты. Кровать у задней стѣны. Отъ сосѣдней комнаты налѣво дверь съ темнозеленой занавѣской. Павелъ Васильевичъ Серебряковъ ходитъ и куритъ. Катя сидитъ у стола.

Катя.—На вокзалѣ у солдата мама купила семь пудовъ по шестьдесятъ. Больше и денегъ нѣтъ. Если бы не Вася, не знаю, что и было бы.

Павелъ Васильевичъ.—Вамъ скоро, кажется, тоже прибавка будетъ; станете получать самое меньшее семь съ полтиной.

Катя.—Говорятъ. Только пока еще ничего нѣтъ. Хозяинъ уѣхалъ въ Москву и не появляется. Если не приѣдетъ къ 1-му числу, фабричный комитетъ самъ пуститъ фабрику.

Павелъ Васильевичъ.—Это не надолго?

Катя.—Почему?

Павелъ Васильевичъ.—Потому, что у хозяина деньги, а у Васъ нѣтъ.

Катя.—Товаръ продадутъ, получатъ и деньги.

Павелъ Васильевичъ.—Это опять же не надолго. Надо покупать топливо, сырье. А чтобы платить большое жалованье,

вамъ надо ситець продавать по 5 рублей аршинъ,—хлѣбъ тогда доставать совсѣмъ будетъ невозможно.

Катя.—Теперь вотъ еще много разныхъ сборовъ пошло: на совѣтъ, на красную гвардію, на союзъ, на партію.

Павелъ Васильевичъ.—А вы къ какой партіи принадлежите?

Катя.—Ни къ какой. Вася говоритъ—не плати большевикамъ въ партію, а я боюсь.

Павелъ Васильевичъ.—У васъ тамъ, навѣрно, всѣ большевики.

Катя.—Въ фабричномъ комитетѣ всѣ.

Павелъ Васильевичъ.—А изъ другихъ рабочихъ много?

Катя.—Не знаю. У насъ вѣдь почти однѣ женщины, а мы ничего не понимаемъ.

Павелъ Васильевичъ.—Все же, я думаю, видно, сколько народа платятъ.

Катя.—Почти всѣ. И квитанціи выдають, все какъ слѣдуетъ. Мнѣ недавно еще дали членскій билетъ.

Павелъ Васильевичъ.—Какой билетъ?

Катя.—Изъ партіи. Я не брала, а мнѣ дали. Когда я показала его Васѣ, онъ засмѣялся и говоритъ, что объ этомъ въ газету напишетъ.

Павелъ Васильевичъ.—Значитъ меньшевиковъ и социалистовъ-революціонеровъ у васъ совсѣмъ нѣтъ?

Катя.—Сначала были, а теперь нѣтъ. На митингахъ имъ доставалось отъ большевиковъ. Только по моему все это изъ зависти или такъ, по глупости. Вотъ про Васю тамъ часто говорили, что онъ плетется въ хвостъ у буржуевъ. Это они врутъ, потому что Вася никогда за буржуевъ не стоялъ.

Павелъ Васильевичъ.—А митинги у васъ часто устраиваются?

Катя.—Теперь рѣже. Холодно. И народу бываетъ меньше, потому что теперь ворота не запирають. А раньше прямо бѣда: запрутъ и выйти нельзя: хошь не хошь, а слушай. У многихъ дома ребятишки или на базаръ идти надо, или тамъ въ хвостъ ждать. Дорогой бабы идутъ,—ругаются.

Павелъ Васильевичъ.—Такъ вы бы сказали, что такъ, молъ, нельзя теперь свобода.

Катя.—По одиночкѣ-то многіе говорятъ, а какъ всѣ вмѣстѣ, такъ и боятся. (передразнивая) Товарищи, вѣрно?—Вѣрно. Поднимите руки,—всѣ поднимають. (помолчавъ) Говорять, говорятъ... каждый разъ одно и тоже,—надоѣли. Гришка Соломоновъ былъ первый котъ, у заборовъ валялся, а теперь тоже ораторъ.

Павелъ Васильевичъ.—Что-то онъ, однако, долго не идетъ.

Катя.—Нѣтъ, онъ скоро: тутъ всего полчаса ходу.

Павелъ Васильевичъ.—А Анна Петровна гдѣ?

Катя.—Она за молокомъ ушла.

Павелъ Васильевичъ.—Кто-то стучитъ, кажется. (Слушаетъ).

Катя.—Да. стучать. (Уходитъ. Вмѣстѣ съ ней обратно входятъ три красногвардейца съ ружьями и начальникъ полусотни. У всѣхъ ихъ красныя повязки на лѣвой рукѣ).

1-й красногвардеецъ.—Ничего мы подождемъ.

Начальникъ полусотни—(Павлу Васильевичу). Здравствуйте. Позвольте узнать, вы кто такой будете?

Павелъ Васильевичъ.—Я знакомый Василія Григорьевича.

Начальникъ.—Вы къ нему по дѣлу?

Павелъ Васильевичъ.—Нѣтъ, такъ отъ скуки, а что?

Начальникъ.—Ничего. (Красногвардейцамъ Садитесь товарищи. (Гвардейцы садятся на заваленные газетами стулья).

Павелъ Васильевичъ.—Куда это вы, господа, собрались съ такимъ воинственнымъ видомъ?

2-й красногвардеецъ.—Почему съ воинственнымъ? Видъ самый обыкновенный. Мы всегда такъ ходимъ.

Начальникъ.—Виновать, вы все же назовите вашу фамилію.

Павелъ Васильевичъ.—Серебряковъ, преподаватель здѣшней мужской гимназіи, если вамъ это такъ интересно.

Катя.—(Красногвардейцамъ). Можетъ быть вы хотите передать что нибудь брату, такъ, я скажу.

Начальникъ.—Если онъ скоро, то мы подождемъ. Однако и тьма же въ этомъ переулкѣ.

Павелъ Васильевичъ.—Да. Вы что, въ первый разъ здѣсь?

Начальникъ.—Гдѣ?

Павелъ Васильевичъ.—У Василія Григорьевича.

Начальникъ.—Я съ нимъ и незнакомъ: они вотъ знаютъ. Я всего двѣ недѣли въ здѣшнемъ городѣ.

Катя.—(3-му красногвардейцу). Ваша фамилія Рябининъ?

Рябининъ.—Да. А вы откуда меня знаете?

Катя.—Вы учились вмѣстѣ съ нашимъ Васей въ Покровской школѣ, потомъ работали въ конторѣ у Яблокова. Тогда вы ходили къ намъ. Съ тѣхъ поръ вы куда-то пропали.

Рябининъ.—Я жилъ въ Екатеринославѣ.

Павелъ Васильевичъ.—Напрасно вы, господа, продѣлываете весь этотъ маскарадъ.

Начальникъ.—Какой маскарадъ?

Павелъ Васильевичъ.—Да вотъ эта самая красная гвардія. Васъ здѣсь болѣе двухсотъ человекъ. Каждому ежедневно платятъ 10 рублей. Милиціи тоже нагнали въ 5 разъ больше, чѣмъ прежде городовыхъ. Солдатъ двѣ тысячи. А все расплачивайся рабочій классъ и крестьянство.

1-й красногвардеецъ.—Налоги теперь будутъ съ буржуазіи.

Павелъ Васильевичъ.—А кто эти налоги нарабатываетъ, буржуазія что ли? Она съ того же рабочаго класса содереть. И выходитъ, значить, что вы по мелочи, незамѣтно, черезъ буржуазный карманъ эксплуатируете своего брата рабочаго.

1-й красногвардеецъ.—Это буржуазія такъ думаетъ.

Павелъ Васильевичъ.—Нѣтъ не буржуазія, молодой чело-
вѣкъ, а Карлъ Марксъ. Слыхали вы про него?

1-й красногвардеецъ.—Вы думаете, только одни вы Маркса
знаете.

Павелъ Васильевичъ.—Да ужъ видно, что вы его не чи-
тали.

2-й красногвардеецъ.—Все равно, въ революцію у проле-
таріата должна быть своя армія.

Павелъ Васильевичъ.—Да зачѣмъ? Жуликовъ ловить вы
все равно не умѣете, хоть и пробуете. Войны фактически нѣтъ,
а если надо воевать, для этого есть солдаты.

2-й красногвардеецъ.—Буржуазная болтовня.

Павелъ Васильевичъ.—(Начиная горячиться). Только не
буржуазная. Я, дорогой мой, не много больше вашего зарабаты-
ваю, а живу, пожалуй хуже.

Начальникъ.—Вы меньшевикъ или эсъ-эрь?

Павелъ Васильевичъ.—Я безпартійный.

1-й красногвардеецъ.—Соглашатель, сразу видно. Интел-
лигентъ—саботажникъ. Теперь почти вся интеллигенція саботи-
руетъ.

Павелъ Васильевичъ.—Задолбили вамъ—саботируетъ. Ко-
нечно, я немогу признать такъ называемыхъ народныхъ комис-
саровъ, которые захватили власть для подчиненія Россіи Виль-
гельму.

Начальникъ.—Никакого подчиненія не будетъ.

Павелъ Васильевичъ.—Вотъ увидите, вся Польша и Кур-
ляндія будутъ взяты отъ республиканской Россіи подъ башмакъ
Вильгельму. „Народные“ комиссары, сказали тоже.... Если бы
„народные“ въ правительствѣ большинство было бы изъ велико-
россовъ, украинцевъ и казаковъ. А у насъ большинство изъ ино-
странныхъ евреевъ, для которыхъ все равно, что Россія, что
Германія.

2-й красногвардеецъ.—А евреи развѣ не люди?

Павелъ Васильевичъ.—Конечно люди, но ихъ вѣдь во
всей Россіи 6 милліоновъ изъ 160 милліоновъ остальныхъ наро-
довъ. Такъ неужели, чертъ возьми, изъ русскихъ социалистовъ
нельзя найти болѣе опытныхъ, умныхъ и любящихъ народъ людей,
чѣмъ эти иностранцы, которые совсѣмъ не знаютъ Россіи.

1-й красногвардеецъ.—Вы бы, гражданинъ, поосторожнѣе
съ вашими контръ-революціонными рѣчами.

Павелъ Васильевичъ.—А то что будетъ?

1-й красногвардеецъ.—А то и арестовать васъ придется.

Павелъ Васильевичъ.—Вы только и знаете.

Катя.—Вотъ они всегда такъ.

2-й красногвардеецъ.—Вы сестра что-ли Струнникову бу-
дете?

Катя.—Да.

2-й красногвардеецъ.—Оно и видно. (Входитъ Анна Петровна).

Анна Петровна.—Здорова-те, родимые. Батюшки мои, и съ ружьями! На охоту что ли собрались?

1-й красногвардеецъ.—На охоту, бабушка.

Анна Петровна.—Катюша кто это?

Катя.—Они къ Васѣ.

Павелъ Васильевичъ.—Здравствуйте, Анна Петровна.

Анна Петровна.—Павелъ Васильевичъ, я васъ и не вижу. Вы къ Васѣ? Онъ сейчасъ идетъ. Ты бы, Катя, самоваръ поставила только у насъ сахару нѣтъ, пьемъ съ изюмомъ и съ шипиталой. (Катя хочетъ итти). Ну, ладно, сиди, я сама. (Уходитъ).

Павелъ Васильевичъ.—Неужели вы, господа, не видите, что гражданской войной вы заставляете народъ еще больше голодать и что нѣмцы обдирать насъ будутъ, какъ липку.

Рябининъ.—Если буржуазію будутъ, такъ наплевать. а пролетарію терять нечего, кромѣ своихъ цѣпей.

Павелъ Васильевичъ.—Ерунда, милый. Это вамъ на митингахъ затвердили. Если чужая буржуазія будетъ обдирать нашу, такъ это значить, она будетъ грабить то, что создаетъ нашъ крестьянинъ и рабочій. Мы и сами потомъ отобрали бы у нашей буржуазіи богатства, наработанныя ей нашими отцами и дѣдами, а вы хотите нѣмцамъ все отдать.

1-й красногвардеецъ.—Оборонцы, они извѣстно всегда за буржуазію.

Павелъ Васильевичъ.—Оборонцы... поете вы, какъ пластинка большевистскаго граммофона, а сами ничего не понимаете. По вашему, значить и оборонять свободную родину нельзя отъ нѣмецкихъ царей. Впрочемъ теперь уже бесполезно, все равно ничего не сдѣлаешь.

1-й красногвардеецъ.—Сами то вы...

2-й красногвардеецъ.—(1-му) Брось, товарищъ, видишь онъ зря кипитится. (Входитъ Вася Струнниковъ).

Вася.—Павелъ здравствуй. Здравствуйте товарищи. (Гвардейцы молча здороваются). Куда это вы собрались?

Начальникъ.—Къ вамъ.

Вася.—Катя, тебя тамъ мама зоветъ! (Катя встаетъ и уходитъ). (Къ гвардейцамъ). Такъ въ чемъ дѣло?

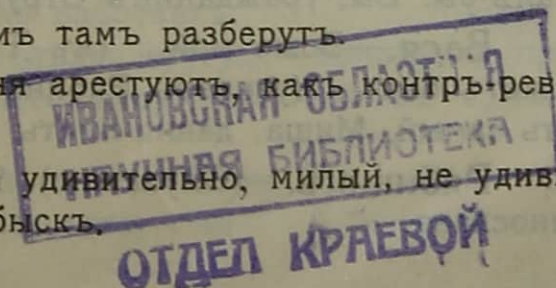
Начальникъ.—Вотъ пожалуйста ордеръ Совѣта рабочихъ депутатовъ. (Вася беретъ ордеръ, читаетъ и дѣлаетъ шагъ назадъ отъ изумленія).

Вася.—Чертъ знаетъ!.. Позвольте, за что же?

Начальникъ.—Мы не знаемъ тамъ разберутъ.

Вася.—Павелъ, смотри, меня арестуютъ, какъ контръ-революціонера.

Павелъ Васильевичъ.—Не удивительно, милый, не удивительно, и у Плеханова дѣлали обыскъ.

1-й красногвардеецъ.—(Начальнику). Товарищъ Эдельманъ, а какъ на счетъ обыска въ ордерѣ сказано?

Начальникъ.—(Къ Васѣ), Виновать, позвольте. Береть у него ордеръ и смотритъ). Ничего.

2-й красногвардеецъ.—Посмотрѣть развѣ, чтобы второй разъ не приходитъ (начинаетъ смотрѣть разбросанныя на столѣ бумаги. Выдвигаетъ ящикъ стола и шарить тамъ. 1-й красногвардеецъ беспорядочно перебираетъ газеты на кровати заглядываетъ подъ нее и подъ подушку).

Вася.—Можетъ быть вы все-таки знаете что нибудь, нельзя же такъ въ самомъ дѣлѣ.

2-й красногвардеецъ.—(Оборачиваясь отъ стола). Чего вы товарищъ Струнниковъ изъ себя невинность разыгрываете? Васѣ еще тогда на митингѣ хотѣли арестовать, только было неудобно. Дѣло ясное: вы агитировали противъ народныхъ комиссаровъ, кричали долой самодержавіе Ленина. Это всѣ слышали.

Вася.—Ну такъ что же. Я и теперь говорю: долой этихъ проходимцевъ, обманщиковъ и узколобыхъ фанатиковъ. Но пока я не взялся за оружіе...

Павелъ Васильевичъ.— Конечно, конечно... Правильно, Вася.

Начальникъ.— Этого, гражданинъ Струнниковъ, вполне достаточно. Пожалуйста одѣвайтесь, а то вы насъ задерживаете.

Вася.—(Вглядываясь въ лицо начальника). Позвольте, я гдѣ-то васъ видѣлъ.

Начальникъ.—Можетъ быть (повертываясь въ сторону 1-го красногвардейца, который все еще съ дѣловымъ видомъ рылся въ бумагахъ). Не надо больше, товарищъ, пора идти.

Вася.—Такъ и есть. Въ девятьсотъ одиннадцатомъ году, на Выборгской сторонѣ (порывисто къ красногвардейцамъ). Товарищи, арестуйте его, это полицейскій приставъ.

Павелъ Васильевичъ.—Ловко!

Начальникъ.—Что? Какъ вы смѣете!

Вася.—Да-да... Въ одиннадцатомъ году на Выборгской сторонѣ во время студенческой забастовки вы арестовали меня и двоихъ студентовъ. Помните?

1-й красногвардеецъ.—Это буржуазная ложь. Какіе теперь пристава? Товарищъ Эдельманъ старый партійный работникъ.

Вася.—А вы его давно знаете?

1-й красногвардеецъ. Недавно. Это все равно. Товарища Эдельмана прислалъ сюда областной комитетъ. Онъ зря не прислалъ-бы. Вы, гражданинъ Струнниковъ, врите.

Вася.—Боже мой... (къ Рябинину). Слушайте, товарищъ, можетъ быть... (узнаетъ Рябинина), что такое... Миша Рябининъ? Онъ самый, Миша, давно-ли ты здѣсь, почему ты...

Рябининъ.—(Смущенно). Я всего недѣлю какъ изъ Екатеринослава.

Вася.—Неужели ты большевикъ, вѣдь ты въ седьмомъ году былъ эсь-эрь?

Рябининъ.—Я теперь максималистъ. Я исполняю революціонный долгъ, товарищъ.

Павелъ Васильевичъ.—Завтра будетъ анархистъ.

Начальникъ.—Не задерживайте, гражданинъ Струнниковъ. (Входитъ Катя).

Катя.—Вы гдѣ....

Вася.—(Перебивая). Катя, меня арестуютъ. Приготовь мнѣ хлѣба, да скажи мамѣ.

Катя.—Кто арестуетъ?

Вася.—Вотъ они. Ты не безпокойся.

Катя.—Господи, опять... (убѣгаетъ).

Вася.—(Павлу Васильевичу). Ты, пожалуйста, успокой ихъ Павелъ. Ну, я готовъ, господинъ приставъ, только одѣну пальто.

Начальникъ.—Я привлеку васъ за оскорбленіе!

1-й красногвардеецъ.—При исполненіи обязанностей влетитъ...

Вася.—Я вызову свидѣтелей.

Начальникъ.—Теперь можно безъ свидѣтелей. (Вбѣгаютъ Катя и Анна Петровна).

Анна Петровна.—Господи Иусе, напасть какая... Васенька, милый, да что это такое! Пришли точно и хорошіе люди, мы, говорить, на охоту.

Вася.—Мама, ты не безпокойся, я черезъ день—два выйду.

Анна Петровна.—Ты и тогда писалъ черезъ недѣлю, а выпустили черезъ годъ. (Красногвардейцамъ). Окаянные, носятъ васъ тутъ дармоѣды. (Плачетъ. Рябининъ отвертывается и нервно тербитъ винтовку).

Катя.—Вася, подожди, я хлѣба завяжу (беретъ подушку съ кровати и уходитъ. За ней идетъ Вася, начальникъ и 2-й красногвардеецъ)

Анна Петровна.—(Дрожа и плача). Царица небесная... Вася, родной мой.. Господи!

Павелъ Васильевичъ.—(Выходя рядомъ съ Рябининымъ). За сколько сребренниковъ, молодой человекъ? (Рябининъ молчитъ. На минуту комната пустѣетъ. Потомъ возвращаются: Павелъ Васильевичъ, Анна Петровна и Катя).

Павелъ Васильевичъ.—Не долго имъ осталось глумиться. Этакъ вѣдь скоро камни заговорятъ. 4-й день никакихъ газетъ, кромѣ большевистскихъ не достанешь.

Анна Петровна.—А ну, какъ его надолго. Что намъ будетъ дѣлать? Катя теперь тоже не работаетъ.

Павелъ Васильевичъ.—Недѣлю, другую,—больше не продержатъ, а то я пойду самъ за него сяду. Что это въ самомъ дѣлѣ!

Катя.—Я и раньше слыхала, что на Васю большевики злы, боялась, какъ бы не избили, а они вотъ что.

Павелъ Васильевичъ.—Насчетъ денегъ если... Такъ я могу немного, а потомъ партія.. Впрочемъ, какіе нынче эсъ-эры! Я рублей двѣсти одолжу вамъ, Анна Петровна. Вася скоро выйдетъ, вы не плачьте. Нѣтъ, не могу... иду домой.

Катя.—Тамъ самоваръ готовъ, Павелъ Васильевичъ.

Павелъ Васильевичъ.—Какой тутъ чай. Прощайте! Ложитесь-ка спать. Обойдется все (прощается).

Анна Петровна.—Прощай, родной. Катя, ты запри за нимъ (Павелъ Васильевичъ и Катя уходятъ).

Анна Петровна.—(Встаетъ и крестится). Владычица, спаси и помилуй. (Садится и опустивъ руки на колѣни и наклонивъ голову, сидитъ около минуты. Возвращается Катя).

Анна Петровна.—Объясни ты мнѣ толкомъ, ничего не понимаю, за что это они Васю?

Катя.—Онъ противъ ихняго правительства и такъ вообще... Я сама никакъ не пойму.

Анна Петровна.—Царь былъ нехорошъ,—прогнали, теперь опять правительство виновато. Выбирали бы хорошее. Говорятъ: слобода, слобода, а сами, какъ звѣри, норовятъ растерзать другъ друга. Бога совсѣмъ забыли. Ты сходи завтра куда-нибудь, разспроси, что будетъ съ Васей.

Катя.—Двѣнадцатый часъ. Пора спать.

Анна Петровна.—Не уснуть мнѣ. Гдѣ ужъ тутъ. Я вотъ на Васиной постели, а ты иди на печь.

Катя.—Ну какъ хочешь, только ты лампу-то погаси. (Уходитъ. Анна Петровна крестится еще нѣсколько разъ и начинаетъ всхлипывать. Затѣмъ идетъ къ постели сына и ложится. Минуту спустя снова быстро съ испуганнымъ видомъ входитъ Катя).

Катя.—Мама, а мама?

Анна Петровна.—А? Что ты?

Катя.—Какіе-то двое мужчины стучатся. Я боюсь.

Анна Петровна.—Господи, Катюша, милая, не отпирай. Топоръ у насъ есть? Ежели что, окна бить, закричимъ.

Катя.—Пойдемъ окликнемъ еще разъ. (Уходятъ держась за руки. Черезъ нѣкоторое время входятъ Катя, Рябининъ, Гавриловъ и Анна Петровна).

Анна Петровна.—Вы, батюшка, извините. Я васъ не знаю. Вотъ только Катюша...

Гавриловъ.—Я, бабушка, съ Васей цѣлый годъ вмѣстѣ въ тюрьмѣ сидѣлъ. (Катѣ) Вася я припоминаю: вы пріѣзжали на свиданье, еще апельсины мнѣ передавали.

Катя.—Я его хорошо помню, мама, ты не безпокойся.

Анна Петровна.—Да кто его знаетъ, давно дѣло-то было, люди мѣняются. (Рябинину). А ты изъ этихъ, чего еще тебѣ надо, проваливай откуда пришелъ. (Гаврилову). Вотъ они и забрала Васю.

Рябининъ.—Тутъ былъ учитель. Я его хотѣлъ спросить на счетъ Карла Маркса.

Гавриловъ.—(Внимательно оглядѣвъ Рябинина). Вздумалъ въ 12 часовъ искать Карла Маркса. (Катѣ). За что же собственно Васю арестовали?

Катя.—Онъ все противъ большевиковъ шелъ, а хорошо я сама не знаю. Пришли четверо красногвардейцевъ и взяли.

Гавриловъ.—Такъ. Обыкновенная исторія. (Рябинину). Вы кто, большевикъ?

Рябининъ.—Нѣтъ, максималистъ.

Гавриловъ.—Ну это одно и тоже. Можетъ вы, господинъ большевикъ, расскажете мнѣ, за что арестованъ мой другъ Василий Струнниковъ, а если не знаете, то чего вамъ здѣсь нужно?

Рябининъ.—Я такъ случайно. Мнѣ очень жаль... Я не сочувствую...

Гавриловъ.—Аресту не сочувствуете? Тогда нечего ходить. Какъ же быть, а я нарочно къ нему пріѣхалъ. Бабушка, можетъ вы позволите мнѣ у васъ переночевать. Я цѣлую ночь не спалъ: всю дорогу на ногахъ..

Анна Петровна.—Да, пожалуй, останьтесь, если Катюша и Вася васъ знаютъ.

Гавриловъ.—Больше мнѣ некуда. Бросилъ все, бѣжалъ изъ Петербурга.

Катя.—Почему?

Гавриловъ.—Голодно и почти всѣ тамъ съ ума сошли, даже страшно становится.

Анна Петровна.—Катя, самоваръ-то у насъ горячій, принеси его сюда, онъ выпьетъ, да молоко и хлѣбъ тамъ на шкафѣ. (Катя уходитъ).

Рябининъ.—Виноватъ, товарищъ, вы эсъ-эръ?

Гавриловъ.—Соціалъ-демократъ, только это меня сейчасъ мало интересуесть. Я спать хочу.

Рябининъ.—Я только хотѣлъ васъ спросить, у меня сомнѣніе... Тутъ былъ одинъ учитель. Онъ насчетъ Маркса говорилъ здорово. Только я не повѣрилъ.

Гавриловъ.—Мало-ли какіе ослы ссылаются на Маркса. (Катя приноситъ самоваръ и снова уходитъ).

Анна Петровна.—Вы сидите тутъ, батюшка, а я пойду прилягу, только вотъ за этимъ запереть надо, чего онъ тутъ сидить?

Рябининъ.—Я сейчасъ, бабушка... (Анна Петровна уходитъ). Я всего одинъ вопросъ, товарищъ.

Гавриловъ.—Одинъ вопросъ. Ну ладно.

Рябининъ.—Правда ли, что если я получаю деньги отъ фабриканта, то... вотъ подождите... (третъ себѣ лобъ).

Гавриловъ.—Вамъ лучше знать, получаете ли вы съ фабриканта. (Возвращается Катя съ чайникомъ, стаканомъ молока и хлѣбомъ).

Катя.—Вотъ закусите, что есть. (Наливаетъ чай).

Гавриловъ.—Спасибо. Вы напрасно беспокоитесь.

Рябининъ.—Я не то хотѣлъ сказать. Если совѣтъ рабочихъ депутатовъ беретъ налогъ съ фабриканта и платитъ жалованье красной гвардіи, то выходитъ, что, напримѣръ, я эксплуатирую рабочій классъ.

Гавриловъ.—Почему вы?

Рябининъ.—Я красногвардеецъ. Такъ вотъ по Марксу будто бы я живу на гроши рабочаго класса.

Гавриловъ.—Правильно. Всѣ живутъ за счетъ рабочаго класса, кто самъ не работаетъ. А вотъ теперь заводы встаютъ, такъ будемъ за счетъ мужика проживаться. Это и безъ Маркса было извѣстно. Все? Больше ничего?

Рябининъ.—Значитъ, я не эксплуатирую?

Гавриловъ.—(Начиная сердиться). Нѣтъ эксплуатируешь, потому что лоботрясничаетъ, вмѣсто того, чтобы работать.

Рябининъ.—А учитель? Онъ тоже не работаетъ на фабрикѣ, никакихъ товаровъ не создаетъ. Онъ эксплуатируетъ?

Гавриловъ.—(Пьетъ чай). Учитель создаетъ и передаетъ мысли. Изъ дураковъ умныхъ дѣлаетъ. Только у насъ ихъ слишкомъ мало надѣлали, теперь вотъ хошь волкомъ и вой.

Рябининъ.—Учитель еще говорилъ, если иностранные буржуи грабятъ нашихъ, такъ они эксплуатируютъ насъ. Правда это, ежели по Марксу.

Гавриловъ.—Что ты заладилъ: эксплуатируютъ. Если отберутъ у нашихъ буржуевъ, значитъ наследство дѣтей нашихъ возьмутъ. Только они не отберутъ, а сами изъ-за границы черезъ свои фабрики и банки посасывать будутъ, понимаешь ты это?

Рябининъ.—Вы чѣмъ занимаетесь?

Гавриловъ.—Слесарь. А ты думалъ буржуй?

Рябининъ.—Нѣтъ, я такъ... Я вотъ еще сомнѣваюсь: большевики говорятъ, у пролетарія нѣтъ родины.

Гавриловъ.—Бываетъ. Меня вотъ съ моей родиной изъ Питера, большевики прогнали.

Рябининъ.—Я не про это. Родина, Россія, цѣлая страна...

Гавриловъ.—Коли нѣтъ, такъ и поѣзжайте вы всѣ въ Персію или въ Китай, чертъ съ вами! (Обращаясь къ Катѣ). Вы его проводите пожалуйста.

Рябининъ.—Если вы здѣсь останетесь, можно мнѣ еще когда поговорить съ вами.

Гавриловъ.—Мало удовольствія.

Рябининъ.—Вы не сердитесь, у меня, понимаете, сомнѣнія... Можетъ я еще и не максималистъ.

Гавриловъ.—Вотъ то-то...

Рябининъ.—Прощайте. Я теперь достану Маркса и прочту.

Гавриловъ.—Не поймешь ничего.

Рябининъ.—Почему?

Гавриловъ.—Не про васъ писано.

Рябининъ.—А вы читали?

Гавриловъ.—Читаль. (Катѣ—жестъ рукой къ Рябинину).
Такъ пожалуйста, а то я самъ провожу.

Рябининъ.—До свиданія. (Подаетъ руку Гаврилову и Катѣ
и уходитъ, Катя за нимъ, потомъ она возвращается съ подушкой
и кладетъ ее на постель).

Гавриловъ.—Спасибо. Я васъ испугаль, кажется, и вообще
вломился, какъ медвѣдь. Вы меня извините. Я вотъ выплусь
и завтра буду добрый.

Катя.—Ничего, я васъ помню.

Гавриловъ.—Это что за парень былъ?

Катя.—Васинъ товарищъ, давнишній, еще когда Вася гим-
назистомъ былъ.

Гавриловъ.—Шляются болваны. Этотъ еще, кажись, ничего,
а то есть такіе: зарѣжетъ и ножъ оближетъ.

Катя.—Теперь съ фабрикъ много молоденькихъ мальчишекъ
записывается въ красную гвардію, потому что жалованье большое,
а работы никакой.

Гавриловъ.—Еще бы: имъ лестно носить оружіе и власть
имѣть. Я вотъ не вынесъ, когда нѣкоторыхъ хорошихъ ребятъ
полицейскими и сыщиками сдѣлали и когда рабочіе, для показа
нѣмцамъ маршировку по улицамъ устраивали. Убѣгъ.

Катя.—Перемѣшалось все и не поймешь. Спокойной ночи.

Гавриловъ.—Спокойной ночи. (Пьетъ молоко и ѣстъ хлѣбъ.
Затѣмъ начинаетъ скидать валенки).

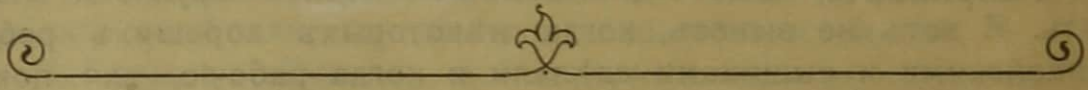
З А Н А В Ъ С Ъ.

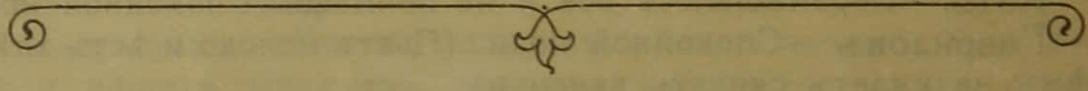
Ивановская Обл. Научн. Библ.

Отдел Красной

... (mirrored bleed-through text from the reverse side of the page)

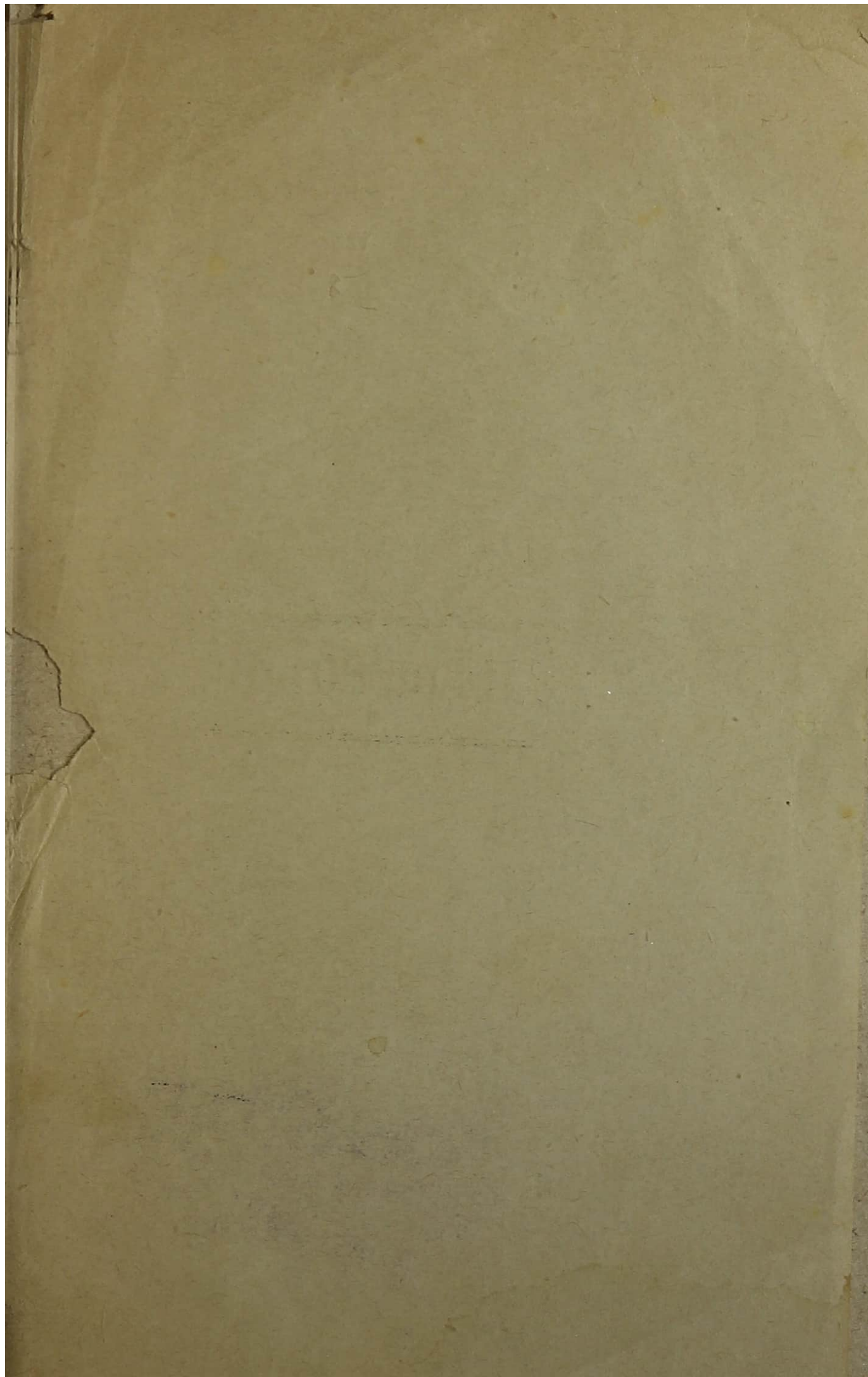

Типо-Литографія С. и Е. СОКОЛОВЫХЪ, въ Ив.-Вознесенскѣ.

ОТДЕЛЪ КРАЕВОЙ
ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

**ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ОТДЕЛЪ КРАЕВОЙ**

Цѣна 80 коп.

